

хозяевами страны стали роялисты. Благодаря какому-то странному недоразумѣнію, онъ отдѣлился отъ своихъ спутниковъ и двое сутокъ скитался, ночуя подъ открытымъ небомъ и питаясь ягодами и кореньями. Наконецъ онъ набрелъ на бѣдную лачугу и постучался въ нее. Хозяинъ, открывшій ему дверь, былъ отставной солдатъ, узналъ его, собралъ своихъ пріятелей, такихъ же ветерановъ; они оснастили барку и перевезли его въ Корсику. Изъ Аяччіо онъ обратился съ воззваніемъ къ неаполитанскому народу, въ которомъ заявлялъ, что снова возстановитъ Неаполитанское королевство. Воззваніе заключало 36 статей, изъ нихъ 16 содержали распредѣленіе должностей, а послѣдняя обѣщала сдѣлать малиновый цвѣтъ—національнымъ. Несмотря на всѣ предостереженія, Мюратъ въ ночь съ 28-го на 29-е сентября 1815 года съ 200 союзниковъ отплылъ изъ Аяччіо въ Калабрию. Онъ предполагалъ высадиться въ Паоло, но буря уничтожила часть его флотиліи; судно, на которомъ онъ находился самъ, было повреждено, не хватало съѣстныхъ припасовъ, и онъ принужденъ былъ высадиться близъ Пиццо. Но какъ король хотѣлъ Мюратъ вступить на берегъ своего государства. Онъ надѣлъ синій форменный сюртукъ и черную треуголку, украшенную большими брилліантами. Во главѣ 26 своихъ приверженцевъ, которые не переставая кричали: «Да здравствуетъ король Іоакимъ!», онъ вступилъ въ Пиццо, гдѣ въ это время происходилъ базаръ; жители мѣстечка сперва остолебенѣли отъ изумленія, но быстро пришли въ себя, вооружились и палками выгнали пришельцевъ изъ города. Какая-то старуха ударила Мюрата по лицу, крича ему: «Ты говорилъ о свободѣ, и ты убилъ трехъ моихъ сыновей». Онъ былъ арестованъ, судимъ военнымъ судомъ и приговоренъ къ смерти. Спокойно стоя подъ дулами направленныхъ на него ружей, онъ сказалъ солдатамъ: «Исполняйте вашъ долгъ, солдаты! Цѣльте прямо въ сердце и пощадите только мое лицо!» и, улыбаясь, самъ скомандовалъ: «Пли!».

Онъ погибъ по винѣ Наполеона. Бонапартъ, всегда вѣрно опредѣлявшій всѣмъ свое мѣсто, будь то министръ, офицеръ или слуга, выбилъ изъ колеи своего зятя, надѣвъ ему на голову корону и не жалѣя при этомъ униженій для него. Онъ не зналъ Мюрата, который не родился политикомъ, а былъ только если и не безкорыстный, все же храбрый и дѣльный солдатъ.

* * *

Нинонъ де-Ланкло. Недавно въ Парижѣ вышла очень пикантная, субъективно написанная книга «*Les femmes amoureuses*», въ которой разсказывается много интереснаго о любовныхъ похожденияхъ такихъ *grandes amoureuses*, какъ Маргарита Валуа, Гамильтонъ, Клэронтъ, Нинонъ и др. Мы въ сокращенной формѣ предлагаемъ нашимъ читателямъ для ознакомленія съ книгой главу о Нинонъ.

Нинонъ родилась въ 1620 году, 10-го ноября, отъ законнаго брака Анри де-Ланкло и одной изъ дочерей Ракони. Мать ея отличалась большой набожностью, и, когда дѣвочка научилась читать и понимать латынь, заставляла ее читать трактатъ Франциска де-Саля «*De Amore Dei*»; отецъ же, отличаясь свободомысліемъ, снабжалъ дочь книгами Монтэня и Гассенди. Воспитаніе отца пришлось Нинонъ болѣе по вкусу, и въ тринадцать лѣтъ она уже говорила матери, что ничему не вѣрить, что написано въ священнѣхъ книгахъ.

Въ мемуарахъ современники говорятъ о Нинонъ съ большимъ восхищеніемъ. Она была высокаго роста, съ изящными ногами и руками. Ея кожа отличалась необычайной бѣлизной, а вся ея фигура при умѣренной полнотѣ говорила о здоровьѣ. Волосы у нея были каштановые, а брови черныя, тонкія и красиво изогнутыя; глаза были бархатистые, черныя, *patte de veours*, въ которыхъ читалась страсть и упрямство. Зубы были неподобны, а губы, нѣсколько насмѣшливыя и приподнятыя у угловъ, казалось, просили поцѣлуя.

Въ отношеніи похвалъ ея духовныхъ качествъ современники выказываютъ еще болѣе единодушія. Нинонъ обладала всеми талантами, необходимыми, чтобы блистать въ тогдашнемъ обществѣ. Она играла на нѣсколькихъ музыкальныхъ инструментахъ, считалась лучшей исполнительницей танца сарабанды и очаровывала слушателей своимъ, правда, маленькимъ, но очень трогательнымъ и нѣжнымъ голосомъ. Но что болѣе всего прославило Нинонъ—такъ это ея доброта, откровенность и живость остроумія.

Для оправданія любви Нинонъ не прибѣгала ни къ какой эротической метафизикѣ. «Любить,—говорила она,—это удовлетворять одну изъ своихъ потребностей» («*aimer c'est satisfaire un besoin*»); она любила это нѣсколько цинично выраженіе, такъ какъ, благодаря ему избавлялась отъ всѣхъ скучныхъ аксессуаровъ любви: ложныхъ клятвъ, фальшивыхъ обѣтовъ, притворныхъ слезъ. «*Satisfaire un besoin*»—эта фраза принимаетъ какую-то наивную, искреннюю окраску въ устахъ женщины, женщины, которая нерѣдко приводитъ мужчину втупикъ своимъ удивительнымъ выборомъ возлюбленнаго. Но слово *besoin* не слѣдуетъ понимать въ самомъ узкомъ его значеніи. Нинонъ отлично знала цѣну ожиданіямъ, колебаніямъ, любовнымъ сомнѣніямъ, и это тоже было для нея потребностью. Только она не дѣлала себѣ никакихъ иллюзій насчетъ конечной цѣли всѣхъ этихъ побочныхъ мелочей. «Подождите, пока у меня пройдетъ капризъ», говорила она тому, кто хотѣлъ быть осчастливленнымъ ею. Нинонъ никогда не бросала своихъ любовниковъ, она самымъ миролюбивымъ образомъ расходилась съ ними, и они всегда оставались ея друзьями.

Вопросъ о томъ, кто былъ первымъ интимнымъ другомъ Нинонъ, остается до сихъ поръ точно невыясненнымъ, но лучший другъ Нинонъ, Сень-Эвремонтъ, утверждаетъ, что первымъ былъ Колиньи. Во время этой связи Нинонъ познакомилась съ знаменитой Маріонъ де-Лормъ. Хотя Маріонъ въ это время была уже немолода и принуждена была брать холодныя ножныя ванны, чтобы уменьшить красноту носа, обѣ женщины быстро подружились. Въ ихъ салонахъ вращалось все лучшее тогдашнее общество. Здѣсь можно было встрѣтить Граммона, Сень-Эвремона, поэта Дезивето, Скаррона, который въ то время былъ еще молодъ и здоровъ. Если большинство этихъ господъ смотрѣли безъ зависти на успѣхъ Колиньи, то разрывъ они все же привѣтствовали не безъ удовольствія.

Нинонъ не любила терять времени въ любви. Она откровенно признавалась, кто ей нравился, и сообщала объ этомъ когда устно, когда письменно, что сильно возмущало «жеманниковъ изъ отеля Рамбулье». «Мнѣ кажется, я буду любить тебя три мѣсяца—цѣлая вѣчность для меня», писала она маршалу д'Эстре, отъ котораго оказалась впослед-

ствіи въ такомъ положеніи, что «о немъ нельзя говорить безъ краски на лицѣ, если это только не результатъ супружеской жизни». Но такъ какъ аббатъ д'Эффіа тоже предъявлялъ права на ребенка, а Нинонъ не могла или не хотѣла рѣшить, чей ребенокъ, то были брошены кости, и маршалъ выигралъ.

Время регентства Анны Австрійской было счастливѣйшей эпохой Нинонъ. Она была въ расцвѣтѣ красоты; кругъ ея друзей и любовниковъ разросся до такихъ огромныхъ размѣровъ, что регентша принуждена была отправить къ ней свою стражу, чтобы ее отвели въ монастырь кающихся дѣвушекъ. Нинонъ, однако, воспротивилась, заявивъ, что она, во-первыхъ, не кающаяся, а во-вторыхъ, не дѣвушка, и слѣдовательно можетъ сама выбрать любой монастырь. Ей предложили выборъ. Нинонъ сказала, что поѣдетъ только въ монастырь кордельеровъ. Эта дерзость страшно разгнѣвала Анну Австрійскую, и только благодаря заступничеству друга Нинонъ, герцога Ангьенскаго, наша героиня не попала въ отдаленный монастырь.

Тѣмъ не менѣе, Нинонъ вскорѣ сама покинула надолго Парижъ, уединившись съ маркизомъ де-Вилларсо въ одно изъ его имѣній. Маркизь былъ ревнивъ и нерѣдко заставлялъ одного изъ своихъ лакеевъ ложиться подъ кровать Нинонъ, чтобы шпионить за ней. Красавица обрѣзала себѣ волосы и послала ихъ ревнивцу въ знакъ вѣрности. Впрочемъ, вѣрна она оставалась, пока не пріѣхала въ Парижъ. Здѣсь вскорѣ она измѣнила маркизу сперва съ однимъ, потомъ съ другимъ. Парижъ точно ожилъ съ возвращеніемъ Нинонъ. Въ это время она писала Сень-Эврежону, жившему изгнанникомъ въ Лондонѣ, что почти каждый вечеръ благодаритъ Бога за данный ей разумъ и каждое утро проситъ Его сохранить безразсудство ея сердца.

Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, Нинонъ не потеряла своего очарованія. Она нерѣдко говорила своему другу Ла-Рошфуко, что онъ долженъ къ своему афоризму, будто старость—адъ женщинъ, сдѣлать примѣчаніе, что къ Нинонъ это не относится. Въ раю ея осени листья не завяли и соловьи не переставали пѣть. Молодые не замѣчали, что Нинонъ стара, а старики въ ея присутствіи снова молодѣли.

Въ это время Нинонъ пережила единственную въ ея жизни трагедію. Сынъ Нинонъ отъ нѣкоего де-Жерсея, выросшій подъ фамиліей шеваляе де-Вилье и вращавшійся, какъ и другіе молодые люди, въ салонъ Нинонъ, пылко влюбился въ нее, не подозрѣвая, что она его мать. Нинонъ насколько могла была къ нему добра, сдержанно обходилась съ нимъ, но въ концѣ концовъ была вынуждена признаться ему. Молодой человекъ тутъ же на ея глазахъ закололся.

Наконецъ Нинонъ стала называться мадмуазель де-Ланкло. Она сдѣлалась болѣе степенной. Нельзя сказать, чтобы она отказалась отъ любви, этого она никогда не хотѣла, но она заставила свое сердце биться нѣсколько умѣреннѣе. Ей было 79 лѣтъ, когда въ нее влюбился аббатъ Жедоэнъ. Когда она, наконецъ, приняла его въ своемъ знаменитомъ желтомъ будуарѣ, аббатъ, склонившись на колѣни, сталъ упрекать ее въ жестокосердіи. «Повѣрь мнѣ,—отвѣтила Нинонъ,—моя страсть нисколько не меньше твоей, но я хотѣла подождать, пока мнѣ стукнетъ восемьдесятъ лѣтъ. Сегодня день моего рожденія». Цѣлый годъ длилась эта послѣдняя любовь Нинонъ. Затѣмъ аббатъ отправился въ пу-

тешествіе и, повидимому, не имѣлъ большой охоты возвращаться домой. Тогда Нинонъ написала ему: «Наиболѣе краткія безумства—самыя лучшія!..».

Нинонъ умерла 17-го октября 1705 года.

Ш. Изъ области науки.

Психозы профессій.—Изслѣдованіе болѣзни рака.—Человѣкъ-пробка.

Психозы профессій. Если какой-нибудь человѣкъ всецѣло и исключительно отдается, своему призванію и при этомъ направленіе его становится одностороннимъ и, наконецъ, ненормальнымъ, то такое призваніе, такое занятіе является почвою, на которой можетъ развиваться патологическое состояніе. Большая часть нервныхъ заболѣваній—это ненормальныя душевныя отклоненія, вызванныя извращенными понятіями о занятіяхъ своею спеціальностью. Иногда бываетъ и наоборотъ, потому что неправильное пониманіе своихъ задачъ есть уже доказательство психопатическаго состоянія человѣка, которому недостаетъ яснаго, трезваго взгляда на жизнь; можетъ быть, ненормальность должна признаваться скорѣе причиною, чѣмъ послѣдствіемъ; весьма часто, впрочемъ, невозможно выяснитъ первоначальной причины того или другого фактора. Мы видимъ, что общество создаетъ въ послѣднее время такія спеціальныя профессіи, которыя не могутъ дать удовлетворенія человѣку. Подъ давленіемъ нужды люди выносятъ тягость своей однообразной работы; даже большинство современныхъ работниковъ занимается спеціальностью, которая вовсе не можетъ служить предметомъ свободного выбора. Возьмемъ массы рабочихъ и хотя бы чиновниковъ. Ихъ профессія обезпечиваетъ имъ только кусокъ хлѣба.

Намъ скажутъ, что такъ было и въ древности, при условіи ремесленнаго труда. Но это справедливо лишь въ извѣстной мѣрѣ. Ручной трудъ кормилъ человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ заполнялъ всю его жизнь; сынъ наследовалъ родъ занятій отца, что вполне естественно. Возможность достигъ положенія внѣ сферы своего призванія затруднялась еще тѣмъ, что многія занятія являлись правомъ извѣстнаго круга людей. Остатки этого возрѣнія сохранились еще до сихъ поръ. Бѣдный юноша, освобожденный отъ платы за ученіе, дающій дешевые уроки и оканчивающій, наконецъ, гимназію, не станетъ мечтать о карьерѣ кавалерійскаго офицера, хотя бы у него была склонность къ этому, а на желанія юноши сдѣлаться артистомъ или журналистомъ все еще смотрятъ, какъ на послѣдній выходъ изъ неудавшейся карьеры. Склонности подрастающаго поколѣнія развиваются подъ вліяніемъ окружающей среды и впечатлѣній. Окружающая атмосфера воспитываетъ или же заглушаетъ не только склонности, но и таланты. И весьма многіе взрослые люди не могутъ сказать, было ли у нихъ самихъ вначалѣ стремленіе, которое заставило ихъ выбрать ту или иную профессію. Наша школа требуетъ отъ насъ интереса къ древнимъ языкамъ, къ родному и новымъ языкамъ, къ математикѣ и естествознанію. Затѣмъ точно опредѣляются наши стремленія и успѣхи, и по выставленнымъ